

ДЖОНАТАН САФРАН

ФОР

ПОЛНАЯ
ИЛЛЮМИНАЦИЯ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф74

Jonathan Safran Foer
EVERYTHING IS ILLUMINATED
Copyright © 2002 by Jonathan Safran Foer

Перевод с английского *Василия Арканова*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Фоер, Джонатан Сафран.
Ф74 Полная иллюминация / Джонатан Сафран Фоер ;
[пер. с англ. В. Арканова]. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 400 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Первый
ряд).

ISBN 978-5-04-093407-2

«Юмор — это единственный правдивый способ рассказать печальный рассказ», — утверждает Джонатан Фоер устами своего героя. В печально-смешном путешествии двух подростков — американца и украинца — сплелись воедино события Второй мировой войны, традиции еврейского народа и взгляд на современную молодежь, которая цинизмом и бахвальством скрывает свои по-детски тонкие, ранимые души.

Роман был переведен на 15 языков. А после экранизации 2005 года книга стала по-настоящему культовой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-093407-2

© Арканов В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Вместо предисловия

Терпеть не могу предисловий. Во-первых, потому что они всегда намекают на некое превосходство того, кто их написал, над тем, кому они адресованы. (Так и хочется сказать, пролистывая: «Сам знаю, не дурак».) А во-вторых, потому что, дочитав книгу до конца, все равно приходится к ним возвращаться («Так о чем же все-таки все это было?»).

Но это как с советами детям: знаешь, что не помогут, а все равно даешь. Смотри по сторонам. Будь осторожен. Не пей холодное. Потому что желание поделиться нажитой мудростью — это почти условный рефлекс. А два с половиной года наедине с книгой — это почти мудрость.

Прошу только об одном: ничему не удивляться. «Полная иллюминация» — это роман, в котором иллюминация наступает не сразу. Для некоторых — никогда. Слишком легко пройти мимо и не нащупать во тьме выключателей. И еще прошу: приготовьтесь к литературной игре. Это серьезная книга, написанная несерьезным человеком. Или наоборот. В общем, как скажет один из героев: «Юмор — это единственный правдивый способ рассказать печальный рассказ».

Кстати, о юморе. У Фоера он совершенно особый. Потому что половина книги написана от лица человека, который не знает английского. Вернее, сам-то он убежден, что знает, и даже лучше, чем Фоер, поэтому совершенно не стесняется. Его ошибки — неисчерпаемый источник комизма. То он употребляет слова в неверном контексте, то сыпет канцеляризмами, полагая, что этого требует эпи-

столярный слог, то путает времена, то слишком прямолинейно истолковывает значение идиомы. Эффект в результате получается неожиданный: от многократного повторения ошибки превращаются в правила, безграмотность начинает восприниматься как стиль. Но чтобы это по-настоящему оценить, нужно сделать усилие. Особенно вначале. От хорошего коньяка тоже ведь не сразу начинаешь получать удовольствие.

Допускаю, что у кого-то может возникнуть впечатление, будто переводчик оправдывается: на самом деле он просто не знает русского языка. Не стану отрицать: такое с ним иногда случается. Но это не тот случай. Здесь он сознательно ставил перед собой задачу сохранить для русскоязычного читателя то ощущение, которое испытывает от книги читатель англоязычный. Недоумение, возмущение, шок, а в конечном итоге — невыразимое удивление. Оказывается, чтобы говорить о сложнейших вещах, грамоту знать совсем не обязательно. Тот, кому есть что сказать, найдет правильные слова, даже если их у него не больше, чем у Элочки-Людоедки.

Тут самое время поискать правильные слова благодарности. Потому что во время работы переводчика неустанно подбадривали близкие, безропотно дожидался издатель и методично выводила из бесчисленных литературных тупиков наставница, искусствовед и друг Виктория Вайнер. Вита. Без ее тонкой, остроумной, дотошной правки книга осталась бы, наверное, не более чем упражнением переводчика-дилетанта. Это она довела ее до ума назло душившему ее раку. Это она, умирая, приказала ей долго жить.

В заключение могу лишь сказать, что *старался наилучшим и сделал лучшее из того, что мог, что было лучшим из того, что я мог бы сделать*. Так написал Фоер. Больше мне добавить нечего.

Василий Арканов,
Ваш смиренный переводчик
1 апреля 2005

Просто и невозможно:

МОЕЙ СЕМЬЕ

Увертюра к начатию необычайно емкотрудного путешествия

МОЕ ЗАКОННОЕ ИМЯ Александр Перчов. Но множественное число моих друзей обзывает меня Алекс, потому что так более изрекательнее. Мама обзывает меня Алексей-не-нервируй-меня!, потому что я всегда ее нервирую. Если хотите знать, почему я всегда ее нервирую, так это потому, что я всегда где-нибудь с друзьями, рассеивая столько много валюты, исполняя столько много вещей, способных занервировать мать. Отец прежде обзывал меня Шапка — за ушанку, в которую я облачаюсь даже в летний месяц. Он прекратил меня так обзывать, потому что я распорядился, чтобы он прекратил меня так обзывать. Для меня это звучало по-мальчишески, а я привык считать себя мужчиной с мощью и производительностью. У меня много-много подружек, можете мне поверить, и у каждой для меня особое имя. Одна обзывает меня Бэби, не потому что я бэби, а потому что за мной нужно присматривать. Другая обзывает меня Ночь Напролет. Хотите знать, почему? Есть еще третья, которая обзывает меня Валюта, потому что я столько много ее рассеиваю вокруг. За это она целует след между моих ног. У меня есть миниатюр-

ный брат, который обзывает меня Алли. Я от этого имени не сильно торчу, зато я сильно торчу от своего брата, так что о'кей, позволяю ему обзывать себя Алли. Что же до его имени, то оно Игорек, но Отец обзывает его Неуклюжина, потому что он безостановочно прогуливается в предметы. Вот и за три дня до накануне он осинил себе глаз из-за плохого управления с кирпичной стеной. Если вам любопытно, как зовут мою суку, то ее зовут Сэмми Дэвис Наимладшая. Ее так зовут, потому что Сэмми Дэвис Младший был возлюбленным певцом Дедушки, а сука его, а не моя, и это не я, кто считает, что он слепой.

Что до меня, то я был произведен на свет в 1977-м, в один год с героем этой истории. По правде, жизнь у меня с тех пор была самая обыкновенная. Как я уже упоминал, я делаю много хороших вещей с самим собой и с другими, но это обыкновенные вещи. Я торчу от американских муви. Я торчу от негров, в особенности от Майкла Джексона. Я торчу, когда рассеиваю столько много валюты в знаменитых ночных клубах Одессы. Ламбургини Кантачес — это супер, но и капучини тоже. Многие подружки хотят предаться со мной плотским утехам в разных хороших аранжировках, включительно в Подвыпившем Кенгуру, Забаве Горького и Упрямом Зоопаркере. Если хотите знать, почему так много подружек меня домогается, то это потому, что для интимизации вдвоем я человек высшей пробы. Уютный и беспощадно смешной — а это выигрышные вещи. И все же я знаю много людей, которые торчат от скороходных машин и знаменитых дискотек. А таких, которые запускают свой вездеход в междубюстье (что всегда заканчивается липкостью под подбородком), у меня и рук не хватит пересчитать. Людей с именем Алекс тоже

много. (Только у меня дома трое!) Вот почему я начал брызгать весельем от перспективы отправиться в Луцк и переводить для Джонатана Саффрана Фоера. Это обещало быть необыкновенным.

На втором году обучения английским языком в университете я произвел безрассудно ошеломительный результат. Это была внушительная вещь, потому что мой инструктор имел говно среди мозгов. Мама до того была гордая, что сказала: «Алексий-не-нервируй-меня! Ты теперь предмет моей гордости». Я запросил купить кожаные брюки, но она отказала. «Шорты?» — «Нет». Отец тоже был до того гордый. Он сказал: «Шапка», — а я сказал: «Не обзывай меня этим», — и он сказал: «Алекс, теперь ты предмет материнской гордости».

Мама у меня смиренная женщина. Очень-очень смиренная. Она горбатит в маленьком кафе, удаленном на один час от нашего дома. Она презентует посетителям еду и питье, а мне говорит: «Я всхожу на автобус на час, чтобы работать весь день, делая вещи, которые ненавижу. Хочешь знать, почему? Ради тебя, Алексий-не-нервируй-меня! Когда-нибудь и ты станешь делать для меня вещи, которые ненавидишь. Это потому, что мы семья». Чего она не ухватывает, так это что я уже делаю для нее вещи, которые ненавижу. Я ее слушаю, когда она со мной разговаривает. Я воздерживаюсь жаловаться о моих пигмейских карманных средствах. И упомянул ли я уже, что нервирую ее далеко не так много, как жаждал бы. Но это не потому, что мы семья. Все эти вещи я делаю, потому что они элементарные вежливости. Это идиома, которой научил меня герой. И еще потому, что я не жопа с факинг-дыркой. Это еще одна идиома, которой научил меня герой.

Отец горбатит в туристическом агентстве, озаглав-

ленном Туры Наследия. Оно для таких евреев, как мой герой, которым приспичивает покинуть эту благополучную страну Америки и посетить смиренные городки в Польше и в Украине. С евреев, которые пытаются отрыть места, где некогда обитали их семьи, агентство отца сшибает за переводчика, гида и водителя. О'кей, до этой поездки я никогда не встречал еврея как такового. Но это их вина, а не моя, потому что я всегда не только был готов с ними встретиться, но даже без большого энтузиазма. Снова буду честен и упомяну, что до поездки я полагал, что евреи имеют говно среди мозгов. Я так заключил, потому что они платили Отцу столько много валюты, чтобы сделать отпуск *из Америки в Украину*. Но потом я встретил Джонатана Саффрана Фое-ра, и я вам скажу, что у него нет говна среди мозгов. Он многоумный еврей.

Что же до Неуклюжины, которую я никогда не обзываю Неуклюжиной, а всегда Игорьком, то это мальчик — высший сорт. Теперь мне очевидно, что он станет мужчиной с мощью и производительностью и что его мозг будет повышенно мускулистым. Мы не ведем объемистых разговоров, потому что он такой молчаливый человек, но я уверен, что мы друзья, и не думаю, что солгу, если скажу, что друзья первостепенные. Я обучил Игорька быть человеком от мира сего. Для одного примера, третьего дня я экспонировал ему непристойный журнал, чтобы он мог составить себе представление о тех многих позициях, в которых я предаюсь плотским утехам. «Так выглядит позиция шестьдесят девять», — сообщил ему я, презентуя перед ним журнал. На главное я указал пальцем, точнее, двумя, чтобы он ничего не упустил. «А почему ее обозвали шестьдесят девять?» — спросил он, охваченный неугасимым огнем

любознательности. «Ее изобрели в 1969 году. Мой друг Грегори знаком с другом племянника изобретателя». — «А как же люди жили до 1969 года?» — «Просто сосали член или жевали передок, но никогда дуэтом». Будь моя воля, я бы сделал из него настоящего VIP¹.

Здесь начинается история.

Но сначала я обременен продекламировать мою приятную наружность. Я недвусмысленно высок. Я не знаю женщин, которые были бы выше меня. Знакомые женщины, которые выше меня, — лесбиянки, и для них 1969 год был очень знаменательным годом. У меня красивый волос, расщепленный посередине. Это потому, что пока я был маленьким мальчиком, Мама расщепляла его сбоку, и, чтобы ее занервировать, я перерасщеплял его посередине. «Алексий-не-нервируй-меня! — говорила она. — С такой волосорасщепленностью ты похож на психически ненормального». Она так не хотела, я знаю. Мама очень часто изрекает вещи, которые, я знаю, изрекать не хочет. У меня аристократическая улыбка и кулак, которым я не прочь звездануть. Мой живот необычайной силы, хотя в данное время лишен мускулистости. Отец — толстый человек, Мама — тоже. Это не беспокоивает меня, потому что у меня живот необычайной силы, даже если и выглядит толстым. Опишу свои глаза и тогда начну повествование. Глаза у меня голубые и сияющие. Теперь начинаю повествование.

Отец получил телефонный звонок из американского офиса Туров Наследия. Они нуждались в водителе, гиде и переводчике для молодого человека, который со-

¹ VIP — Very Important Person, Очень Важная Персона (*здесь и далее примечания переводчика*).

бирался в Луцк на заре июля месяца. Это была хлопотливая просьба, потому что на заре июля Украина готовилась отмечать первый день рождения своей ультратрагической конституции, которая до того преисполняет нас национализмом, что сразу много людей отправляется в отпуск по зарубежным местам. Ситуация была невозможная, как на Олимпиаде в 1984-м. Но Отец — наводитель благоговейного ужаса и всегда получает то, что жаждет. «Шапка, — сказал он мне в телефон, когда я, сидя дома, наслаждался величайшим документальным фильмом современности *Как снимался «Триллер»*¹, — какой там язык ты изучал в этом году в школе?» — «Не обзывай меня этим», — сказал я. «Алекс, — сказал он, — какой там язык ты изучал в этом году в школе?» — «Язык английского», — сообщил ему я. «Овладел ли ты им глубоко и полностью?» — спросил он. «Как рыба об лед», — сообщил ему я, надеясь сделать его достаточно гордым для покупки чехлов из зебровой кожи, о которых столько мечтал. «Отлично, Шапка», — сказал он. «Не обзывай меня этим», — сказал я. «Отлично, Алекс. Отлично. Ты должен обнулить все планы, которыми обладаешь на первую неделю июля месяца». — «Я не обладаю никакими планами», — сказал я. «Нет, обладаешь», — сказал он.

Теперь будет подходящим упомянуть о Дедушке, который тоже толстый, и даже толще, чем мои родители. О'кей, упоминаю о Дедушке. У него золотые зубы и обильный волос на лице, который он культивирует для ежедневного расчесывания в сумерках. Пятьдесят лет он горбатил на разных трудоустройствах, в основном

¹ «The making of Thriller» — видеоролик о том, как снимался клип Майкла Джексона Thriller.

сельскохозяйственных, а позднее — машиноманипуляционных. Его заключительное трудоустройство было в Турах Наследия, где он начал горбатить в 1950-х и упорствовал в этом до последнего времени. Сейчас он умственно состарился и живет на нашей улице. Бабушка умерла тому уже два года от рака в мозгу, и с тех пор Дедушка стал очень меланхоличным и еще, он говорит, слепым. Отец ему не верит, но все равно купил ему Сэмми Дэвис Наимладшую, потому что сука-поводырь нужна не только слепым людям, но и людям, страдающим негативом одиночества. (Мне не следовало употреблять слово «купил», потому что, по правде, Сэмми Дэвис Наимладшую Отец не покупал, а всего лишь получил из дома для забывшихся собак. По этой причине она не настоящая сука-поводырь, а также умственно ненормальная.) Большую часть дня Дедушка рассеивается у нас дома за лицезрением телевизора. Часто он на меня орет. «Саша! — орет он. — Саша, не будь таким ленивым! Не будь таким бесполезным! Сделай что-нибудь! Сделай что-нибудь стоящее!» Я никогда не вхожу с ним в полемику, и никогда не нервирую его с намерениями, и никогда не понимаю, что значит стоящее. До смерти Бабушки у него не было этой неаппетитной привычки орать на нас с Игорьком. Вот почему мы уверены, что он этого не хочет, и вот почему мы в состоянии его простить. Однажды я обнаружил его плачущим перед телевизором. (Джонатан, эта часть о Дедушке должна остаться промежутом между тебя и меня, да?) Экспонировали прогноз погоды, поэтому я был уверен, что его слезы не были спровоцированы меланхолией из телевизора. Я об этом никогда не упоминал, потому что не упоминать об этом было элементарной вежливостью.

Дедушку тоже зовут Александр. Дополнительно и

Отца. Все мы — первородные дети в наших семьях, что кладет на нас огромную честь, сравнимую по масштабам со спортом бейсбол, который изобрели в Украине. Своего первого сына я обзову Александр. Если хотите знать, что будет, если мой первый сын будет девочкой, я вам скажу. Он не будет девочкой. Дедушка был произведен на свет в Одессе, в 1918-м. Он никогда не отбывал за пределы Украины. Его наидальнейшее путешествие было в Киев, когда мой дядя женился на Корове. Когда я был мальчиком, Дедушка наставлял, что Одесса — самый красивый город в мире, потому что водка дешевая и женщины тоже. Пока Бабушка не умерла, он, бывало, запускал с ней шутихи про то, как был влюблен не в нее, а в других женщин. Она знала, что это всего лишь шутихи, и смеялась объемисто. «Анна, — бывало, говорил он, — пойду посватаю вон ту, в розовой шапочке». А она в ответ: «За кого же ты ее посватаешь?» А он ей: «За себя». Я очень смеялся на заднем сиденье, а она говорила: «Ведь ты же не батюшка». А он на это: «Сегодня я батюшка». А она: «Ты и в Бога сегодня веруешь?» А он говорит: «Сегодня я верую в любовь». Отец распорядился никогда не упоминать Бабушку при Дедушке. «Это делает его меланхоличным, Шапка», — сказал Отец. «Не обзывай меня этим», — сказал я. «Это делает его меланхоличным, Алекс, и ему начинает казаться, что он еще слепой. Дай ему забыть». С тех пор я никогда не упоминаю о ней, потому что обычно делаю, как Отец говорит, если только не не хочу. К тому же звездануть он умеет.

Оттелефонировав мне, Отец телефонирует Дедушке проинформировать его о том, что ему предстоит быть водителем нашего путешествия. Если хотите знать, кому предстояло стать гидом, то вот ответ: там не будет никакого гида. Отец сказал, что гид не такая уж

и незаменимая вещь при Дедушке, который нашпигован всякими знаниями после всех своих лет в Турах Наследия. Отец обозвал его экспертом. (Когда он его так обозвал, это прозвучало вполне разумно. Но, Джонатан, что ты об этом думаешь в люминесценции всего происшедшего?)

Когда в ту ночь мы втроем, трое Алексов, собрались в доме Отца, чтобы побеседовать о предстоящем путешествии, Дедушка сказал: «Я этого делать не хочу. Я человек умственно престарелый и не для того достигал умственной престарелости, чтобы снова исполнять подобное говно. Я с ним покончил». — «Плевать я хотел на твои желания», — сообщил ему Отец. Дедушка звезданул по столу с избытком насилия и крикнул: «Не забывай, кто есть кто!» Я думал, что это положит конец обмену общением. Но Отец сказал что-то странное. «Пожалуйста». А потом он сказал что-то еще страннее. Он сказал: «Отец». Должен признаться, что есть еще столько много вещей, которые я не понимаю. Дедушка возвратился в стул и сказал: «Это последний раз. Больше никогда этим заниматься не буду».

И мы сделали планы заполнения героя на львовском вокзале 2 июля, в 15:00 пополудни. Затем на протяжении двух дней нам следовало пребывать в окрестностях Луцка. «Луцк? — сказал Дедушка. — Ты ничего не говорил про Луцк». — «Луцк», — сказал Отец. Дедушка стал в задумчивости. «Он разыскивает город, из которого пришел его дедушка, — сказал Отец. — И какую-то Августину, которая уберегла его дедушку от войны. Он жаждет написать книгу о дедушкиной деревне». — «О, — сказал я, — значит, он наделен интеллектом?» — «Нет, — поправил Отец. — Мозги у него низкопробные. Американский офис информирует меня, что он им телефони-